

## О ПОСЛЕДНЕМ ПОСЕЩЕНИИ ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ II ФИНЛЯНДИИ

*Спиридович А.И. (Бывший начальник охран Царской семьи).*

*Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960-62.*

В двадцатых числах февраля меня командировали в Гельсингфорс в виду предстоявшей поездки в Финляндию Государя. Приехав туда, я повидался с Начальником Финляндского Жандармского управления полковником Еремином, когда-то служившим у меня в подчинении в Киеве. Еремин знал свое дело и обладал хорошей агентурой. Он познакомил меня с положением вещей в Финляндии. Все благомыслящие пожилые люди относились к России лояльно, но много молодежи пробиралось тайно в Германию и поступали там в образования, которые должны были вторгнуться в Финляндию, если там произойдет восстание. Это-то восстание и старалась поднять Германия. Однако наша жандармерия была начеку, и пока все было благополучно. [100] Бреммин рассказал мне, что за время его заведования Особым отделом Департамента полиции, он собирал сведения о Мясоедове. Были лишь обнаружены его подозрительные коммерческие знакомства, но и только. О них было доложено тогда же генералу Сухомлинову.

Государь приехал в Гельсингфорс 25 февраля утром. Свита была та же. На вокзале была встреча более торжественная, чем где либо. Морской министр, командующий флотом адмирал Эссен, генерал губернатор Зейн, сенаторы и депутации. Председатель Городской думы, приветствуя Государя, ни слова не сказал о войне. Не сказала о войне и депутация от рабочих, и только еврейская депутация говорила о ней и поднесла на раненых 10.000 марок.



Государь проехал в Успенский православный собор. Масса народа заполняла путь, но ура не кричали. Объясняли это холодностью населения. Климат. Кто хотел — верил.

В соборе, в речи архиепископа Сергия были слова о пожелании победы. Там было все русское население. Из собора Государь проехал в лютеранский Николаевский собор. Собор был полон молящихся. Служили молебны на шведском и финском языках.

Сев затем в автомобиль, Государь поехал к флоту, который стоял на рейде, скованный морозом. Ехали по льду. Государь посетил несколько кораблей. Об адмирале Эссене говорили много хорошего. Государь очень часто встречал его в шхерах. Балтийский флот действовал во время войны очень хорошо.

Побывав затем в соборе Свеаборгской крепости, Государь вернулся завтракать, а после завтрака осматривал подробно новые крепостные сооружения. Меры обороны принимались здесь весьма серьезные и, это очень охлаждало тех политиканов, которые ожидали прихода немцев.

Осмотрев большой лазарет Сената и плавучий госпиталь, Государь вернулся в поезд. На вокзале, к этому времени, собралось много народа. Группа русских бросилась к Государю с криками ура. Не выдержали и «холодные» финны. Произошла симпатичная манифестация. В тот же вечер Государь покинул Гельсингфорс.

В последний раз Император России, он же Великий Князь Финляндский, посетил Финляндию в марте 1915 года, пишут в своей книге **«Императоры на отдыхе в Финляндии» Йорма и Пайви Туоми-Никула**. В княжестве у правителя осталось мало друзей.

Заправилы банков и промышленных предприятий оставались, правда, верными подданными, потому что мировая война принесла фирмам выгодные заказы.



**Сообщение газеты «Хельсингин Саномат» о приезде Государя**

О прибытии Императора стало известно только утром в день его приезда. Столичные газеты сообщили, что он выехал из Петербурга в направлении Хельсинки. Точное время прибытия и в этом сообщении не указывалось.

Запись в дневнике Николая от 9.30: «В половине седьмого попрощался с Аликс и детьми в поезде и отправился через Петроград по новому мосту через Неву по финляндской дороге. На станции Териоки была небольшая встреча от местных жителей и русских крестьян. Вечером играл в домино».

О самом визите Царь на редкость подробно записал на следующий день: «В девять часов прибыл в Гельсингфорс. На станции — почетный караул от Госуд. ополчения — великолепная рота!

В помещениях представились сенаторы, начальники главных управлений, консулы, городское управление и депутации от населения.

В моторе с Бенкендорфом поехал в наш собор. По улицам с одной стороны стояли войска, народу было много. Из собора поехал в Николаевскую

протестантскую церковь, где тоже было отслужено молебствие, а оттуда на лед, к эскадре.

Посетил флагманский крейсер „Россия“, и затем лин. кор. „Петропавловск“. Оригинальный вид у судов в белой окраске и окруженных льдом. Команды остальных кораблей стояли шпалерами против них.

Заехал в Свеаборг, был в крепостном соборе и сделал смотр гарнизону. Вернулся в поезд к завтраку.

В три часа отправился в объезд всей сухопутной линии обороны, сооруженной во время войны и длиной 35 верст. Выходил из мотора осматривать батареи, опорные пункты и прочие сооружения. Работа огромная и отлично исполненная.

В пять часов приехал во дворец, выпил чаю и осмотрел лазарет на 200 раненых. Посетил пароход „Ариадис“, устроенный под морской госпиталь, городскую больницу и огромный лазарет в здании новой станции на 1 200 раненых.

Опоздал слегка к обеду. Вечером выслушал интереснейший доклад адмирала Эссена и в 10 час. покинул Гельсингфорс».



**Свмч. протопресвитер Александр Хотовицкий** так пишет в статье «Наши гости» о лазаретах и местных госпиталях в первом номере Гельсингфорского приходского листка за 1914 год, который он издавал.

«Гельсингфорс давно поджидал раненых воинов, и когда, наконец они прибыли, встретил их с любовью, согрел их ласкою, и приютил их в прекрасно оборудованных Императорским Финляндским Сенатом временных лазаретах и местных госпиталях.

В минуту прибытия поездов гремело восторженное ура встречающих, народ громадной массой наводнял прилегавшую к вокзалу площадь, у самых дверей стояли целые вереницы трамваев и моторов Красного Креста.

На платформе собрались местные власти, местный Красный Крест со своей председательницей С. И. Зейн, М. М. Боровитинов и другие сенаторы, как хозяева, встречавшие своих гостей, сестры-самаритянки, врачи, духовенство, гимназисты в роли санитаров-добровольцев и др.

Никого из прибывших воинов не обошли уходом, приветливым словом. Накормили их тут же на вокзале, и наделили подарками. Мощно спели они молитву Господню и церковный гимн «Спаси Господи», по призыву местного протоиерея. А затем они понемногу были распределены по своим лазаретам.

Раненые прибыли в наш город двумя партиями. Первая прямо с позиции, еще как бы обкуренная дымом недавних боев. Только переодеть и перевязать успели их в пути. Они полны самых живых свежих впечатлений, которые и наяву и во сне не покидают их. Самым сердечным образом оценили они радушных гельсингфорссцев и заботы их, хотя многие и попали в местные финские госпитали, где кругом слышна чуждая русскому речь.

— Привыкаете? — спрашивал я их через несколько дней после их прибытия на новоселье.

— Так точно, как в раю здесь... Только шрапнели поганые все еще рвутся... Чуть вздремнешь, перебежки начинаются, — никуда от них не уйдешь... Одним словом, гудит и гудит...

— А с сестрицами и докторами как же вы здесь разговариваете?

— Да вот они — показывают на старшую сестру, — по-русски очень даже понятно беседуют, а мы что-ж, коли что спросят, сейчас по ихнему «ю, ю» или «китос», — и все как на ладошке. Очень даже они хорошие и заботливые, дай Бог им здоровья.

У каждой постели православных — а таковы почти все — образки: это забота супруги генерал-губернатора.

— Как только мы приехали сюда, так на утро сейчас они к нам пожаловали с генерал-губернатором, всех порасспросили, всем образки дали, а после еще денщик ихний каждому табаку, папирос, бумагу для писем обносил. Очень мы им благодарны. Даже в газету хотели бы свою благодарность им и всем посетителям и докторам с сестрицами пропечатать, или в письме преподнести. Да не знаем как.

Я выразил готовность сделать это от их имени, и предложил им, не желают ли они дать две-три подписи за всех других.

— Никак нет, все одинаково чувствуем, так просто сказавши надо и подписать «все».

Эту душевную просьбу наших раненых героев, еще преследуемых грозными отзвуками ужасов сражения, но спешащих показать, что они оценили со всей чистосердечностью любовь, внимание и уход заботящихся о них, с радостью исполняю: она лучшее движение благородной души и сердца нашего русского воина.

Эта непосредственность боевых впечатлений несколько утрачена ранеными, прибывшими в Гельсингфорс второй партией. Отчасти потому, что уже прошло немало времени со дня оставления ими театра военных действий, а еще более потому, что им суждены были после боев другие впечатления, каких не забыть им до гроба.

Они — раненые — лежали в царскосельских и Павловских госпиталях, и удостоились великого счастья быть пациентами Высочайших Особ, видеть на себе заботу Августейших Сестер милосердия, чувствовать их ласку и заботу. Воспоминания об этом не покидают наших героев ни на минуту, им было чрезвычайно жаль расставаться с таким счастьем, и самая удобообставленная жизнь в иных лазаретах теперь естественно может показаться им прозаичной и скучноватой. На этой почве могут иногда вырастать огорчения для местного врачебного персонала. Отдаешь им душу и сердце, а они сейчас подгоняют сравнение: то ли, дескать, было!

Говорил я с одним раненым по этому предмету. Сияет, как начнет рассказывать про милостивую Царицу-Государыню, Царевен — дочерей Государя.

— После этого, теперь ты, пожалуй, недовольство станешь здесь показывать?..

— Что вы, батюшка, разве мы не понимаем? За все очень благодарны и довольны. Только скучно было уезжать оттуда...

Добрые друзья наши воины!

На вашу долю выпало величайшее счастье. Пусть оно озаряет всю вашу жизнь, где бы Господь ни привел вас служить и работать. Благодарите Бога за эту к вам милость, и не забывайте своих Августейших благодетелей. За эту милость вы должны заплатить тем, чем платит русский воин за оказанное ему добро: послужите до конца своей Родине, послужите до конца своему Государю.

Помните, что миллионы воинов никогда не получают той радости, какой удостоились вы. Сотни тысяч наших героев гибнут на поле сражения, и, не мечтая о том счастье, какое выпало на вашу долю. На вас неделями изливало свои лучи солнышко заботы и ухода Царского, а иной воин за одну минуту этого счастья отдал бы жизнь.

Радуйтесь, что окрепнув, вы могли быть переведены сюда, что теперь на вашем месте сотни других наших братьев-воинов найдут это же счастье. Будьте достойны этой милости в ту пору, когда Государь позовет вас продолжать ваш воинский подвиг. В тепле и сытости вы и сейчас, — благословляйте Господа за это! Сколько миллионов наших богатырей в эти минуты зябнут и коченеют,

холодают и голодают в окопах, в траншеях, защищая каждую пядь родной земли! Сколько раненых осталось в строю, желая до конца исполнить свой долг!

Подумайте, как огорчилось бы сердце Царской Семьи, так заботившейся о вас, если бы вы во зло обратили Высочайшую милость и доверие. Нет, дорогие братья-воины! Еще многие тысячи подобных вам раненых надо русской земле приютить, устроить, обласкать и согреть. Надо будет, уйдем с вами в простые бараки, надо будет, — станем под открытым небом, а им, братьям нашим, истекающим кровью, дадим приют. И как отрадно слышать от наших раненых гостей, что они рвутся снова на фронт.

— Помилуйте, батюшка, — заявляет один, улыбаясь. Вот у меня палец на руке оторван. Разве это беда? А тут лежи и отдыхай, — даже совестно. В деревне бы при работе руку целую отхватило, а хворать некогда было бы: пошел бы свою работу справлять. И когда уже заживет этот перст? Еще немцу накладем...

Куда ни придешь в госпиталь, всюду просьба и желание: помолиться бы. Везде госпитали торжественно освящены. Гельсингфорсский причт старается, сколько возможно обслужить раненых. Но не во всех лазаретах раненые имеют к общественной молитве одинаковые удобства. Только в дворцовом лазарете, где раненых наибольшее, есть своя церковь, и тут устроены нашим приходом регулярные богослужения по воскресным и праздничным дням. В прошлое воскресенье там было принято мною около 70 говельщиков.

В других же лазаретах служим пока молебствия, акафисты, и всенощные с поучениями. Кто покрепче, тех начинают отпускать на часы богослужений в собор.

Впечатление наши солдатики производят доброе: хорошие они люди, просветленные сознанием величия минуты, переживаемой нашей родиной, одушевленные желанием послужить ей до конца.

Сейчас лазаретная жизнь в Гельсингфорсе налаживается и укладывается в нормы. Устанавливаются определенные часы для приема посетителей, и правила по распределению приносимых в лазарет изданий и гостинцев. Иначе и быть не может. Лазарет есть лазарет, и раненые состоят в составе действующей армии.

Сердобольные души наших прихожан и прихожанок иногда сетуют, что не во все часы пускают их к раненым, а кое-где в палаты и вовсе не пускают. Не по недостатку внимания и ласковости к раненым делается это. Когда раненые прибыли, лазареты превратились, чуть ли не в вокзальное помещение. Посетители приходят, уходят, подходят к койкам и т. д.

Несомненно, что большинству солдатиков, раненных в конечности приятно побеседовать. Но не надо забывать, что рядом могут быть больные-раненные, которым тяжело видеть и слышать весь день эту сутолоку, которых раздражает этот шум голосов, или которым хотелось бы оправиться, а они стесняются посетителей.

Все это надо принять в соображение, и содействовать тому, чтобы жизнь в лазаретах наших героев приняла определенный и нормальный характер. Сейчас еще действуют временные правила по распорядку этой жизни. Когда же будут утверждены постоянные правила, мы опубликуем их к сведению прихожан и будем стараться в пределах возможности и законности всем приходом идти навстречу духовным интересам и потребностям наших дорогих гельсингфорских гостей.

Жертвуемые раненым и больным воинам газеты, книги и журналы следует направлять в Дворцовый лазарет, Эспланадная 1, — откуда их будут распределять и по другим госпиталям».

В тот же день в Хельсинки находилась и русская знаменитость, прима-балерина Мариинского театра Матильда Кшесинская. Она была известна не только как талантливая артистка, но и как предмет юношеского увлечения Николая. Их отношения прервались совсем незадолго до его женитьбы.

«Маленькая Мала» тоже вела дневник. Во время пребывания в Хельсинки она отметила свое посещение военного корабля, но о прежнем возлюбленном в дневнике нет упоминания.

В историческом романе «Балерина императора» писательница Эва Иллонен повествует о том, что труппа Кшесинской удивлялась мрачному, почти враждебному настроению в городе во время визита Царя. Машин, правда, собрали на удивление много, но на лицах у людей не было ни радости, ни оживления. «Царь выглядел озябшим и усталым, вяло махал рукой детям. Маленький одинокий человечек во враждебной стране», - пишет Иллонен.

Писатель Тюни Тулио видел Императора собственными глазами: «Николая мы видели мельком, когда этот небольшого роста несчастный человечек зимой 1915 года был в Хельсинки, настроенном отнюдь не дружелюбно».

Визит Императора был запечатлен съемками на кинокамеру. Камера следует за пышной процессией из одного места в другое. Подсчитано, что в процессии было 29 машин. Царский автомобиль, французский «Белоне-Бельвиль», считался тогда лучшим в мире. Несмотря на роскошь сопровождения, визит Николая не оставил впечатления Императорского блеска.